

18+

ГАЛИНА ЩЕКИНА

СОННОЕ ЦАРСТВО

Галина Александровна Щекина
Сонное царство.
Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42349287
ISBN 9785449667298

Аннотация

Сновидения – генеральная тема этой книги. Сон – это и мечты, которые когда-то исполнятся, это и прекрасное прошлое. Сны как отражение кошмаров реальности. Образ сна – это мифологизация цветов и деревьев. И, наконец, как заманчивы стихи, появившиеся во сне. Удобный язык для иносказаний.

Содержание

К читателю	6
Сонный вечер	7
«Сонный берег, тихий бриз...»	7
«Во сне я стану другой...»	9
«Стоит выйти из тела на цыпочках...»	10
«Засыпаю в волшебных огнях ...»	12
Не елка	13
Елочный сон 1	14
Елочный сон 2	15
Елка цыганская	16
Тебя мне явно не хватало	17
елочный дождь	19
Что подарить вам	21
Зимнее колдовство	22
«Сон свалит с ног...»	23
Осенний сон	24
На берегу	25
Затмение, страхи, сумерки зимы	28
Ты избалована теплом	29
Ношу в себе остаток сна	30
Бултых – и я плыву	31
Ягодные сны	32
1. Черемуха	33

2. Ежевика

34

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Сонное царство Стихотворения Галина Щекина

Вадим Субботин *Фото на обложке*

Регина Соболева *Дизайнер обложки*

© Галина Щекина, 2022

© Регина Соболева, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4496-6729-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

«Гипнос... в греческой мифологии – персонификация сна, божество сна, сын Ночи и брат Смерти... Гипнос спокоен, тих и благосклонен к людям, в противоположность беспощадной Смерти...» Сон всегда был тайной, загадкой для человека. Как всякая тайна, он необыкновенно привлекателен, недаром вокруг этой загадки столько всего: и народные верования, и сказки, и предсказания, колдовство... Интерес к снам характерен для всех эпох человеческой культуры. К постижению феномена сна стремилась наука, недаром создан Институт снов. Платон считал, что сны могут служить источником творческого вдохновения. Сон — один из инструментов достижения внутренней свободы и попытка понять себя...

Сонный вечер

«Сонный берег, тихий бриз...»

Сонный берег, тихий бриз,
то ли спишь, а то ли чудо:
из-под тучи, плавно вниз —
люди с крыльями, откуда?

Ветер стих на вечер глядя,
солнце ласково погладит
от затылка к руслам рук:
ты отстала от подруг?
Морщит грудь под черной майкой,
бьётся баховская чайка.
Не отбейся по пути,
это я звала, прости.
Оглянёшься? – Взгляд – насквозь —
глаз, как лед, зеленоватых.
Обрети и снова брось,
ты ни в чём не виновата.

«Слишком хочется» – скажи,
но опять острее жажда,
и, взяв хлеб пытаюсь жить,
будешь выпита однажды.
Обернешься? – Вызов талии.
Ощутишь прямую связь:
лежа по горизонтали,
вертикалью возносясь.

«Во сне я стану другой...»

Во сне я стану другой
И впредь туда ни ногой:
Где смотрят прямо в глаза,
Да только верить нельзя.
Стена. Золотится лук,
Все рядом, хватает рук
С огня убрать молоко —
С тобой простятся легко.
И выгонят – гордо молчи —
Торшер золотой в ночи.
На кресло накроют плед,
Как не было, как и нет.
Но все это не по мне —
Пейзаж сосновый в окне,
Блужданье в старой вине,
В глубоком зелёном сне.
Я там давно не живу,
Теперь вздохну наяву —
И впредь туда ни ногой,
Настолько стала другой.

«Стоит выйти из тела на цыпочках...»

Стоит выйти из тела на цыпочках
И лететь в иные миры —
Там, на фоне тягучей скрипочки
Нераскрывшиеся дары.
Как бы ни были кротки спящие,
Тихий мальчик будет тиран,
Потому что чаще и чаще
Терпит боль от душевых ран.
Потому что мужчину с проседью
Тянут юности берега,
Далеко она, Феодосия,
И дорога к ней дорога.
Вот и женщина в длинном платье,
Прикорнувшая на кровать,
Вероятно, за что-то платит.
Может, стоило рисковать?
Может, стоило тронуть кистью
Теплоту пустого холста,
Не бояться железных истин,
Побросать их как ворох листьев
С высоты большого моста?
Столько лишнего поднакоплено,
Настоящему не чета.

А душа, налетавшись допьяна,
Догадается, в чем мечта.

«Засыпаю в волшебных огнях ...»

Засыпаю в волшебных огнях —
Что за елка попалась такая?
Ощетинилась – просто страх —
Разобрать ее – не пускает.
Засыпаю я быстро, без слов —
Все они, как хвоя, устарели,
Драгоценный улов новых снов —
Огнедышащие акварели.
Наливается сладкая синь
От салюта огней многоточье,
Золотое сияние вин
Утешает заждавшихся ночи.
Опрокинется навзничь рассвет,
В золотое добавь киновари,
Растворенную ранее дверь
Потревожит мой старый товарищ.
Где зелёный хранитель и скит,
Несогласное дерево-диво?
Славно ёлка шарами горит,
Торжествующе и горделиво.

Не елка

Не елка нынче, а фонтан,
сорвали сетку – порх ракетой!
Как будто птичий караван
под потолок рванула цветом.

Электромусыки разряд,
расплавленных шаров капли.
Ее диковинный наряд —
огонь на бархатной постели.

Она – как выскочка, дитя
прикинувшись большой и рясной,
такую все всегда хотят,
но только ждут ее напрасно.

Сказать пушиста – ни о чем,
весь лапник мощный не рядами,
а густо, жизнь в ней бьет ключом
и полыхает точно знамя.

Горда голубушка. В окне
ей красоваться можно долго,
и это будет вызов мне
как и зиме – тягучей, волглой.

Елочный сон 1

В черный кофе – ночью черной —
день вливался молоком.
День наивней и покорней
Прямо здесь, недалеко.
И пружины канители,
и снежинки, и шары
лечь в коробку захотели
и притихли до поры.
И беда вчерашней приме
в бусах яростных огней,
как ее хозяин снимет
с трона, и простится с ней.
Отцвела, отвеселилась
царствуя среде гостей —
только месяц эта милость
длилась. В комнате пустей.
Отпечатать бы на пленке —
слишком уж была прямой
и взлетев на ножке тонкой
навила себе самой.
Завернут ее в простынку
рваную, связав сильней
лапы смяв, сломав вершинку,
и слегка вздохнут по ней.

Елочный сон 2

Вот бокал краями в темень,
светом радужным дразня,
полыхнет цветами всеми
брызгами обдав меня.

Весь сосуд повтор тюльпана,
через стекла жмет хвоя.

Снизу верх бежит по стану
Ярких искорок струя

Кто с казал что это елка,
не аквариум в ночи?

И воздеты ветки колкие
как плавучие хвощи.

Глубока ли грусть картонная
ангелочка и ежа?

И опять снегурка томная
замирает чуть дрожа,
все замрет от ожидания,
что случится тихий взрыв.

И закончится свидание,
Небывалым сном укрыв.

Елка цыганская

На цыпочках и пальцы растопырив,
Она готова выпрыгнуть из юбки,
Легчайшая из елок в этом мире
И самой свежей, кажется порубки.
Худышка, очень гибкая, подросток —
Живот наружу, даже шея голая
Хвоя густа – короткая, в наперсток,
И льдинка на стволе блестит как олово.
Вершинка траекторией небесной
Стреляет в потолочное покрытие
И ей у батареи жарко, тесно
Гирляндовое веточек обвитие.
Цыганским называют сочетание
Что под руку попало... Самоделки
Развешаны с рассеянным мечтанием,
Шары, снежинки, крашенные белки.
Ни стилия, ни подбора бижутерии
А только б ярко, только бы сверкало
Внизу на белой старенькой материи
Коробки, варежки, Снегурка, капли талые.
Пускай она цыганкою насмешливой
Небрежно и без всякого порядка
Явилась вдруг задиристо, невежливо,
Но долгожданная. И видеть это сладко.

Тебя мне явно не хватало

Тебя мне явно не хватало —
Ты милая! С вершинкой талой
и юбкою, неровно пышной,
и лет тебе ужасно мало,
но явно повидала лишнее.

Тебя, застывшую в сугробе
непросто было обнаружить,
и жещина в пятнинстой робе
и мы ее боялись обе —
вела к другим, что были хуже,

что были уже, заморённой.
А ты упругая пружинка —
чуть отвязали – прыг на корень,
шалишь, ко мне привыкнешь вскоре —
качнулась в сторону, скажи-ка...

Стоишь – как будто голосуешь,
и руки вверх и пальцы веером,
дерзка, ярка и рукосуйна,
природа молчаливо-буйная —
рожденная суровым севером.

Замри, воробушек, не щелкай,

свети сереребряннoй банданoй.
гордись характер первоздданный
Ты выглядишь огромнoй, колкoй
парящей птицей в душнoм здании.

И хорошо что зелень с меткoй —
с подпалинoй, немного рыжая.
Тепло огни твои колышет,
Ты хорошеешь всеми веткaми
и на глазах все выше, выше...

ЕЛОЧНЫЙ ДОЖДЬ

Смеркался день на душе и в сиреновой мгле
И Новый год уже шагал по земле,
И вино-водочные стыли, ледяная слеза,
А мы с тобой не решались даже слова сказать.
И все о чем поговорили тогда —
Да новый диск, ну совсем ерунда.

Она стояла и молчала у шкафа спиной
И ей не скучно и таинственно в доме одной,
И то, что нам уже пришлось проходить,
У этой юной елки все впереди.
А все, о чем поговорили тогда —
Ее знакомые, ну так, ерунда.

По телевизору вещал наш измученный вождь,
А между нами серебрился легкий елочный дождь.
На разговоры про салаты наложили табу,
Да разве этим замолишь судьбу?
И все, о чем поговорили тогда —
Что сколько стоило – да так, ерунда

Неповторимость момента обнаружишь не в лоб
И ты смеешься почему-то и слетаешь в сугроб,
И понимаешь, что, наверное, напрасно ты ждешь
Пока летает возле елки станиолевый дождь.

Но все, о чем поговорили тогда —
Когда увидимся еще? – Ерунда.

Что подарить вам

Что подарить вам? Полный мрак.
Текилу? может быть, коньяк?
Ведь я не знаю, что вы пьете
в гостях, в лесу и на работе.

И как напомнить эти дни —
мы были в городе одни,
кораблики под фонарями,
дырявый зонтик наше знамя.

Не нужно было пить вино,
зима таращилась в окно,
пока курился чай масала
одна рука другой касалась.

Что пожелать вам в эту ночь?
Возможно, счастья? Я не прочь!
Тахта огромная такая,
куранты бьют не умолкая.

А вы, всего скорее, знать,
и мне пора бы это знать.

Зимнее колдовство

В толпе, в снегу, под божьим оком,
Придется как угодно жить —
Начертаны рукою жестокой
Для жизни шумной рубежи.

Но не молчать мертво и голо —
Пылать, растапливать камин,
Раскатисто смеяться в голос,
Почувствовать себя людьми!

Сгореть бы там, где линий бег,
Где пламя и не понарошку.
Где пляска жаркая в окошке...
Оцепенение и снег!

Стоим недвижимые, шагнуть
И то от робости не смеем,
собратья наши спины гнут.
мороз сковал подобно змеям.

Замерзли ветви и дома,
Заснула пьяным сном округа.
Заколдовала нас зима
И мы не чувствуем друг друга.

«Сон свалит с ног...»

Сон свалит с ног,
но человек из сна
убить меня не смог,
и я с тобой честна.
Во сне была смелей,
чем тут, вблизи огня.
Попробуй одолей
не сонную меня.

Осенний сон

Не вишнёвый пожар георгин,
Не календул летят светляки.
Говорят тебе смолкни и сгинь,
Далеки мы теперь, далеки.
Накрён облепиховый ствол,
Руки яблонь заломлены вниз.
Пусть туман заблуждений прошёл,
Невозможное, снами вернись.
А когда прогорит этот ад,
И завянет обид вихревая метель,
Надо мной зашумит листопад,
Расстилая златую постель.

На берегу

На сонном берегу реки
Сидят в ленивой полудрёме
Невольные отпускники.
И ждут старинного парома.
Чтоб голос зычный выкликал
Счастливец быстрой переправы,
Чья жизнь окажется легка,
Как путь от левого на правый...
Они заварят на огне
Питье медвяное крутое,
Ведя беседу о цене
Простого вольного покоя. И
скажет мальчик, что наук
Пороги вскоре одолеет, А
слёзы, след душевных мук,
Скрывать гораздо тяжелее.

И будут девушки полны
Наивно-грустного волненья
И мистикой отделены
От лени и банальных мнений.
Мужчина с опытом беды
Над суетой готов смеяться
И помогать на все лады
Поэтову смешному братству.

Безмолвной женщине бесед
Пространных явно не дослушать,
Нить серебра в ее косе
И голос горьковатый суше.
Но всё случится в свой черед:
фаюмский мальчик повзрослеет,
мужчина мудрость обретёт,
а девы – темную аллею.
Покинет женщину печаль,
Согреет восхищенье рядом,
Ей зыбку хочется качать,
А больше ничего не надо.
Пока клубятся облака,
Запомни, что душа просила —
Всё принесет с собой река —
Волну и ветер, стать и силу.
Земля как я
Земля как я: собрали всё, ушли,
а я осталась ночевать под снегом,
и надо мною облаков набег,
и солнце в угасающей дали.
Земля как я – вот холод и покой,
и замолкают топоты и стоны,
а я, раскинув тело многотонное,
не шевельну немеющей рукой.
И тишина устойчиво длинна,
и думе удивлённой нет помехи.
Угадываю оды, годы, вехи
недвижной бесконечности без сна.

Затмение, страхи, сумерки зимы

Затмение, страхи, сумерки зимы,
Троллейбус – точно вызов неотложной,
И бестолково-бешеные мы,
Чего нельзя, то почему-то можно.
Куда, зачем езда по круговой?
Задымлено, обругано. И весело.
Кондукторша качает головой,
Задерживаясь возле наших кресел.
Ну, что бы понимала эта чудь
В мелированной и киношной химии!
Нам остается жить всего чуть-чуть,
Какими бы мы ни были плохими!
Хлещите по щекам пургой, дождем,
А вы, ребята, пиво открывайте.
Конечная? Но мы чего-то ждём,
Неуязвимые для брани и объятий.
И выходя, прощаясь насовсем,
Неловко расцепляя наши руки,
Как некую таинственную сеть,
Поймаем взор троллейбусной подруги.
В кабину, где зеркальный поплавок
Где ласковы и горячо-тревожны
Глаза ее напарницы, – ну вот,
Ты здесь, и дальше ехать можно.

Ты избалована теплом

Ты избалована теплом,
Тебя все ищут... Поделом
Досталось мне, провиницалке.
А неслучившегося жалко —
Наивных писем череды
Щумящей за окном воды
Слепящей маеты экрана —
Все слишком поздно или рано...
Ну сколько можно – маемой
у монитора плюс настой
тысячелистника и мёда
не заменить былой свободы.
Тогда казалось – счастья час
Дороже жизни, и рассказ
об этом будет очень крут,
Да полно. Этого ли ждут?
Но я сдержу невольный крик:
Ты покидаешь материк,
От сонной одури страниц —
К сиянию любимых лиц...
Смотри, оранжевая корка
На снег упала... Съехать с горки,
Вздыхнуть легко и без помех.
Пусть снег идет. Мы любим Снег...

Ношу в себе остаток сна

Ношу его в себе его – глоток кофейный,
пока не хлынет горячо по венам,
и поплывет незримой легкой пеной
ведь никого не удивишь навеянным.

Ношу в себе остаток сна, прикрыв ночнушкой,
и совесть будто нечиста и жгуча,
снег засекает небеса седыми мушками,
теряет их и тает царственная туча.

Настанет никонец-то срок напиться словом
и ток пойдет гулять, шумя, по венам,
внезапно ощутив присутствие былого,
дописываю сон, да будет он нетленным.

Бултых – и я плыву

Бултых – и я плыву, и трав речных гряда,
во сне ли, наяву – неведомо куда.
Так голуба вода прозрачнее стекла,
и в ней мальков стада, но я-то как сюда?
Ни тени надо мной, ни звуков, ни ветров,
и мне не страшен зной, не нужен даже кров.
Касание воды и капли на виске,
и никакой беды, и счастье вдалеке.
О чём тогда печаль, которая легка
начало из начал, всё впереди пока.
И потому вода синее всех озер,
тепло, и не поднять на небо робкий взор.
Пока не подан знак, медлительно-честна,
и мир блаженно нем реальностью из сна.

Ягодные сны

1. Черемуха

В черемуховой тьме ночей,
по блеску нефтяному,
Доверчивый бежит ручей,
срываясь в омут.
Черемуховый ствол в обрыв
течением обрушен,
Замедленно собой укрыв
реку и сушу.
Черемуховых глаз тепло
и ртутная отрава —
В смятении моем оплот,
смиренье нрава.
Черемуховый жги костер,
не гасни до рассвета.
С черемуховых губ не стерт
и привкус этот.
Черемуховый сон – не врешь —
черемуховый омут!
Зачем, не унимая дрожь,
бросаешься, рывком плывешь
от берега – к другому?

2. Ежевика

Не прибором изрезал плес,
Лепестковый абрис тонкий.
Там, за руслами для слез —
Сумасшедшая воронка:
Тёмно-розовый не в счет,
Ближе ягодно-лиловый —
Ежевичным соком рот
О тебе напомним снова.
Ежевичные врата
Непридуманного рая,
Покоряют неспроста —
Припадаешь, умирая,
Задыхаясь от обид,
Не свершившегося чуда...
Обрети пристойный вид,
Как внутри тебе ни худо...
Приникая и дрожа,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.